

Осенний марафон

*Кристина МАТВИЕНКО, Ольга ФУКС
Фото предоставлены пресс-службами фестивалей «Любимовка», «Арт-миграция», «Сезон Станиславского», SOLO, «Территория»*

Год назад организаторы фестивалей с гордостью и благодарностью признавались, что никто из иностранцев «не ввёл санкции» — не отказался от гастролей. Сейчас говорят о резком сокращении финансирования: «Сезону Станиславского» — в десять раз, **NET** не получил ничего, деньги, которые выделили «Территории», застряли в банке, лишённом лицензии. Тем не менее почти все проблемы удалось решить, и Москва вновь оказалась в эпицентре театральных событий. Этому можно только радоваться, ведь «ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ» В КУЛЬТУРЕ НЕВОЗМОЖНО В ПРИНЦИПЕ. Сливки осенних фестивалей — В ОБЗОРЕ «МИТ-ИНФО».

Новая лирика
«ПУШЕЧНОЕ МЯСО»
ПАВЛА ПРЯЖКО

Режиссёр Дмитрий Волкострелов
 «Любимовка»

Фестиваль читок новых пьес молодых авторов собрал рекордное количество публики. И читка Павла Пряжко стала заведомым хитом с участием трёх актрис, guest-stars нового российского театра и кино: Светланы Устиновой («Бу-мер-2» Петра Буслова), Светланы Ходченковой (девушка с косой из фильма Станислава Говорухина «Благословите женщину» и звезда большого коммерческого кино, а также героиня «Краткого курса счастливой жизни» Валерии Гай Германики, вытаскившей из актрисы совсем другое качество) и Анны Чиповской (первой красавицы «Табакерки», лирической героини «Оттепели» Валерия Тодоровского и нескольких спектаклей Константина Богомолова). Кстати, именно Чиповская заказала Волкострелову этот проект. Речь в «Пушечном мясе» идёт о таких же более или менее благополучных девушках: галеристке, её подруге

и художнице, которую галеристка собирается выставлять.

Текст, прозрачный, неагрессивный, рассказывает о переживаниях трёх героинь одним жарким летом. Об их встречах, тёплых чувствах друг к другу, попытках найти себя в этом утомлённом жарой месте и об их обречённости. О войне – ни слова. Политики и стёба – ноль. Есть голоса разных людей, сосредоточенных на себе, но при этом открытых миру, внемлющих ему и любящих его. Павел Пряжко, вскрывающий в своих пьесах существо и изменения в языке, на этот раз предложил способ, которым человек может общаться как со своим собственным временем, так и с тем, что течёт вокруг. Новая лирика – это не украшательство действительности, но невероятно серьёзный вызов ей, попытка отстоять и защитить персональный мир человека. Защитить – значит не закрыть, но спасти от войны.

К. М.

Время колокольчиков
«САШБАШ. СВЕРДЛОВСК –
ЛЕНИНГРАД И НАЗАД»

Режиссёр Семён Серзин
 «Артмиграция»

Спектакль-квартирник: подушки на полу вместо театральных кресел, стакан с компотом вместо бокала шампанского, дым, боль, стихи о вечном, проза неволи, струнный скрежет электрогитар. Спектакль-оммаж – поэту Александру Башлачёву, и шире – русскому року 1980-х, и ещё шире – судьбе мальчишки, балагура, балабола, в котором неумолимо вырастает дар большого поэта и ответственности за него. Дар-приговор.

Мостик через три десятилетия перекинули первый актёр «Коляда-театра», а ныне рок-звезда Екатеринбурга Олег Ягодин – резкий, яростный, точный, как нож – и два его партнёра, которые стали настоящим открытием. Тамара Зимина с юным взглядом и полувеком работы в театре: она и мать, и жена, и муза, и восторженная поклонница – собирательный образ Женщины Поэта, которой довелось быть рядом, пережить его и жить дальше памятью о нём. Константин Итунин играет роль то его альтер эго, то злого гения, то тени, то коварного Судьбы, который приглашает почтеннейшую публику присутствовать при самосожжении поэта.

В финале актёры надевают очки и шарфы и, как пикейные жилеты, живые мертвецы рассуждают о поэте, чьи песни надолго пережили его («жизнь кончилась, и началась распродажа», как писал Вознесенский на смерть Высоцкого). А затем распускают магнитофонные кассеты, и бесконечный дождь из плёнок – пролитая в землю память или её живительная влага – струится на пол.

И да, рок-н-ролл жив!

Гипоплазия и свобода
MDLSX

Режиссёры Энрико Касагранде
 и Даниэла Николо
 SOLO

Девочка на большом экране поёт песенку – отчаянно, немного фальшиво. Диджей на сцене меняет пластинки, поёт в микрофон. Вскоре понимаешь, что девочка и диджей – одно и то же лицо, только спустя время. Но диджея трудно назвать женщиной...

Уникальная актриса Сильвия Кальдерони с идеальным стройным телом человека-андрогина произвела на фестивале SOLO (куда она уже приезжала с «Антигоной») фурор. Её героиня – мужеподобная девочка, у которой врачи обнаружили недоразвившийся мужской пол и предложили «феминизировать» пациента: воспитанный как девочка, человек получит возможность жить как «нормальная женщина, заведёт семью», по-настоящему не ощущая себя женщиной.

Юный человек идёт в библиотеку, зная свой диагноз – «гипоплазия». Сло-

вари услужливо предлагают ему ассоциативный ряд: от гипоплазии через гермафродита и прочие термины – к монстру, чудовищу. Юный человек выходит в мир, ошарашенный: он – чудовище. И выбирает свободу и своё «я», которые не вписываются в принятые обществом форматы и рамки. Стрижётся под мальчика, попадает в стрип-клуб с такими же «неформатными» людьми, в полицию, домой. Ни мальчик, ни девочка, ни гей, ни транссексуал – человек, решившийся принять себя таким, каков он есть.

В спектакле наряду с «Рыбкой» Пазолини и «Контрасексуальным манифестом» Поля Пресьядо использованы фрагменты книги Джеффри Евгенидиса «Средний пол». Строго говоря, Сильвия Кальдерони сыграла вовсе не саму себя. Но я ещё никогда не видела, чтобы театральная роль была до такой степени оплачена личным капиталом: разбором собственных комплексов, переживаниями, отчаянием, борьбой со своим телом, согласием с ним – и отвоёванной свободой.

О.Ф.

Ощипанный ангел «БОРИС ГОДУНОВ»

Режиссёр Эймунтас Някрошюс
Национальный театр Вильнюса
«Сезон Станиславского»

Карьерная лестница манит в небеса, а ведёт в пустоту. Сталинская высотка только кажется монументальной, но валится, как картонная коробка. В мире мнимого величия и ложных целей царь Борис (в исполнении Сильвиуса Трепулиса – молодой, но уже сломленный, капризный, обиженный на судьбу) решил добиться процветания, уплатив по счёту, как ему казалось, вполне приемлемую цену – всего лишь одну жизнь. В спектакле Някрошюса как-то особенно ясно, что вина Бориса давно очевидна всем – и лицедеям-боярам, и народу в деревянных пыточных сапогах-колодках. К концу жизни Борис опрометчиво доверяет только горцу Басманову (Альгис Дайнавичюс), одинаково простодушному и аккуратному – и в преданности, и в предательстве.

Юродивый Николка (Повилас Будрис) до зеркального блеска натирает рубашкой убиенного Димитрия скользкие полы под ногами монарха: каждый шаг становится репетицией падения. Борис походя вбивает ему в руку гвоздик, – что, мол, христосик, нравится? ещё будешь? «Не больно!» – вопит от боли Николка. А у народа, обутого в колодки, своя забава: отловили где-то ангела, запутавшегося в силках, и теперь дружно его ощипывают – обед будет!

Някрошюс и в самом безрадостном своём спектакле, где не осталось места для любви, для вольтовой дуги между партнёрами, между артистом и залом, всё-таки остаётся и поэтом, и провидцем.

На смену Борису, заложнику своей вины, придёт литой, как бейсбольная

бита, Гришка Отрепьев (Мариус Репсис), у которого весь душевный капитал – мимолётная тяга к полячке (Эльжбета Латенайте), опошленная донельзя (во время их объяснения из многочисленных шлангов забьёт вода для ночного полива, превратив их объяснение в посмешище). Он пойдёт гораздо дальше, чем Годунов, но что такое чувство вины, даже и знать не будет.

О. Ф.

Телесный смерч «СФУМАТО»

Хореограф Рашид Урамдан
«Территория»

Фестиваль-школа «Территория» отдаёт предпочтение спектаклям, выходящим за рамки театра, созданным на пересечении самых разных дорог. «Сфумато» – самый яркий пример такого пересечения в этом году. Название – из живописи: это техника размытого, туманного изображения, изобретателем которой считают Леонардо да Винчи. Абстракции танца соседствуют с конкретикой голоса (Чулпан Хаматова), который говорит об экологических бедах земли, и фразы, произносимые обречённо и почти спокойно, постепенно складываются в горестную поэзию. В танце царит вавилонское столпотворение стилей – contemporary dance, степ, контактная импровизация. В памяти остаются два фантастических эпизода: девушка в бесконечном, невозможном для вестибулярного аппарата вращении закручивается в спираль, в воронку, в смерч; двое пытаются двигаться навстречу друг другу, но их движения – как у сломанных игрушек или потерявших координацию людей – нивелируют их попытки. Танцу вторит видеопроекция с выразительным лицом

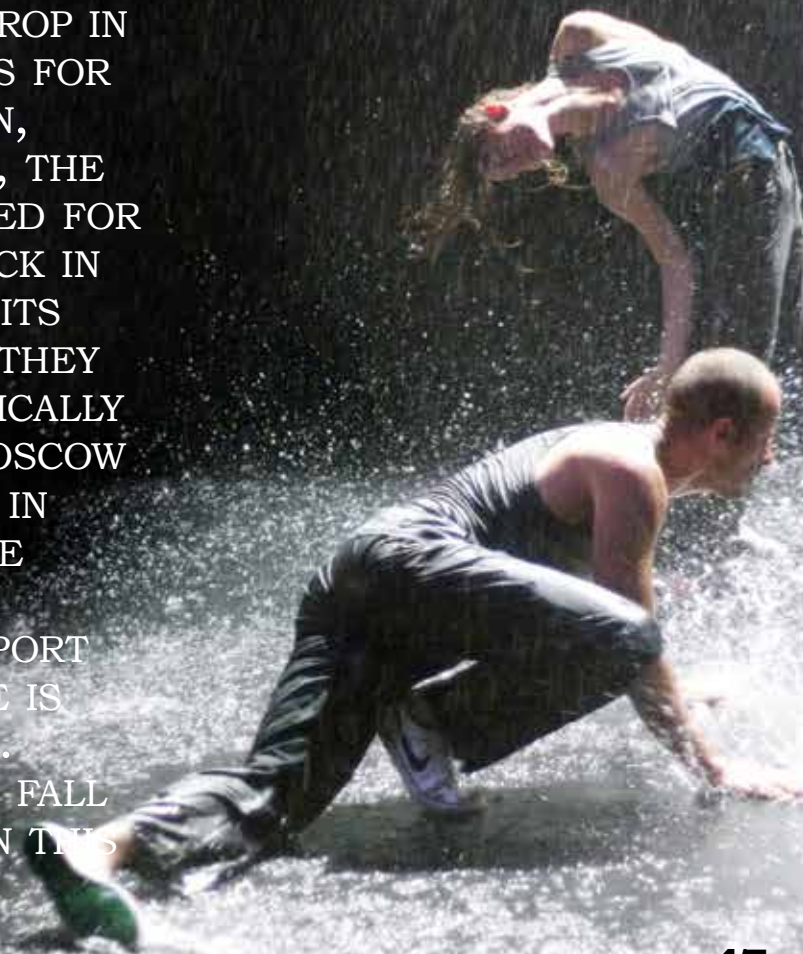

Autumn Marathon

Kristina MATVIENKO, Olga FOUX

Photos courtesy of the Lyubimovka, Art-Migration, Stanislavsky Season, SOLO, and Territory festivals' press services.

A YEAR AGO, FESTIVAL ORGANIZERS ACKNOWLEDGED PROUDLY AND WITH GRATITUDE THAT NO FOREIGNER HAD “INTRODUCED SANCTIONS” – NONE OF THEM SAID NO TO GUEST PERFORMANCES. NOW THEY ARE TALKING ABOUT A SHARP DROP IN FINANCING: TEN TIMES LESS FOR THE STANISLAVSKY SEASON, NOTHING AT ALL FOR NET, THE MONEY THAT WAS ALLOCATED FOR THE TERRITORY WERE STUCK IN THE BANK THAT HAD LOST ITS LICENCE. NEVERTHELESS, THEY MANAGED TO SOLVE PRACTICALLY ALL THOSE ISSUES AND MOSCOW ONCE AGAIN FOUND ITSELF IN THE EPICENTER OF THEATRE EVENTS. ONE CAN ONLY REJOICE AT THAT, FOR “IMPORT REPLACEMENT” IN CULTURE IS CONCEPTUALLY IMPOSSIBLE. THE BEST OF THE BEST OF FALL FESTIVALS IS PRESENTED IN THIS REVIEW BY ITI-INFO.

New Lyricism
“CANNON FODDER” BY
PAVEL PRYAZHKO

Directed by Dmitry Volkostrelov
Lyubimovka

The festival that showcases readings of new plays by young authors brought in record audiences. And the reading of Pavel Pryazhko's play became a certain hit, featuring three actresses, guest stars of the new Russian theatre and film: Svetlana Ustinova (Pyotr Buslov's "Boomer 2"), Svetlana Khodchenkova (the girl with the braid in Stanislav Govorukhin's "Bless the Woman" and star of big commercial cinema, as well as lead actress in "A Brief Course of Happy Life" by Valeria Guy-Germanika, who drew out a completely different quality from the actress), and Anna Chipovskaya (the reigning beauty of the Tabakerka Theatre, lyrical heroine of Valery Todorovsky's "The Thaw" and of several productions by Konstantin Bogomolov). Incidentally, it was Chipovskaya who commissioned this project from Volkostrelov. "Cannon Fodder" talks about the similar more or less successful young women: a gallery owner, her friend

and an artist, whose work the gallery owner plans to exhibit.

The text is transparent, non-aggressive, and talks about the inner turmoils of the three heroines over the course of one hot summer. About their encounters, their warm feelings toward one another, their attempts to find themselves in that heat-beaten place, and about the predetermination of their lives. Not a word about the war. Zero politics and jeering harshness. What it does have are the voices of various people, who are self-absorbed but are still open to the world, that listen to it and care for it. Pavel Pryazhko, who explores the essence and changes in language in his plays, this time offered a means by which human beings can communicate with their own time and with things that take place around them. New lyricism is not a way to embellish reality, rather it's an incredibly serious challenge to it, an attempt to defend and protect a man's personal world. To protect does not mean to close it off but to save it from the war.

K. M.

Jingle Bells Time
“SASHBASH.
SVERDLOVSK – LENINGRAD
AND BACK.”

Directed by Semen Serzin
Art-Migration

It's a house party production: pillows on the floor instead of theatre seats, a glass of kompot instead of champagne, smoke, pain, poems about the eternal, prose about captivity, the rattling of strings on electric guitars. The production is an homage to poet Alexander Bashlachev and broader – to Russian rock of the 1980 s, and broader still – to the life of a boy, a joker and a

chatterbox, who inevitably nurtures within him the gift of a great poet and the sense of responsibility for it.

Oleg Yagodin, lead actor of the Kolyada Theatre and now a Yekaterinburg rock star – sharp, fierce, and precise as a knife, and his two partners, who became a true discovery, cast a bridge over three decades. Tamara Zimina with her youthful gaze and half a century of work in theatre: she is the mother, and the wife, and the muse, and the enthusiastic admirer – a collective image of a Poet's Woman, who happened to be near him, to outlive him, and to live on with a memory of him. Konstantin Itunin plays the part that alternates between his alter ego, his evil genius, his shadow, and the clowning Fate that invites the esteemed audience to witness the poet's self-immolation.

In the finale the actors put on glasses and scarves and then these living dead talk, like smattering laymen, about the poet, whose songs have long outlived him ("life ended and now the selling-off began", as wrote Voznesensky on the death of Vysotsky). And then they unwind audio cassette tapes, and an endless rain of tape – a memory spilled into the ground, or its life-giving moisture – streams down onto the floor. And, yes, rock'n'roll lives!

Hypoplasia and Freedom
MDLSX

Directed by Enrico Casagrande
and Daniela Nicolo
SOLO

A girl on a big screen is singing a song – fiercely and a bit out of tune. A DJ on stage changes records and sings into a microphone. You soon realize that the girl and the DJ are one and the same, but only after a little while. But it's hard to call the DJ a woman...

Silvia Calderoni – a unique actress with an ideal slender body of an androgynous person – caused quite a sensation at the SOLO festival (which she had already attended previously with "Antigone"). Her heroine is a masculine girl whose doctors diagnosed her as having male hypogonadism and offered to "feminize" the patient: raised as a girl, this person will get a chance to live like "a normal woman, have a family", without ever really perceiving herself as a woman.

This young person goes to the library, knowing the diagnosis – hypoplasia. Dictionaries there oblige with an associative array: from hypoplasia through hermaphrodite and other terms to monster, freak. The young person goes back out into the world flabbergasted: he's a monster. And he chooses freedom and his own "self" that do not fit the formats and framework established by the society. He gets a boy haircut, ends up in a strip club with other "nonstandard" individuals, then the police station, then home. He's neither a boy, nor a girl, neither gay, nor transsexual – a man, who decided to accept himself the way he is.

The production features excerpts from Jeffrey Eugenides's book "Middlesex" alongside Pasolini's "Fish" and Paul Preciado's "Contrasexual Manifesto." Strictly speaking, Silvia Calderoni didn't play herself. But I have never seen a theatre role being redeemed with so much personal toll: analyzing one's personal inhibitions, emotional turmoils, despair, struggling with one's own body, coming to an understanding with it, and winning back freedom.

O.F.

Physical Tornado
“SFUMATO”

Choreographer Rashid Uramdan
Territory

The Territory festival school gives preference to productions that go beyond the framework of theatre, productions that have been created at the intersection of most varied paths. "Sfumato" is this year's most vivid example of such an intersection. The name comes from the world of painting: it's a technique of blurred, smoky image, whose origins

are credited to Leonardo da Vinci. The abstractions of dance are found alongside the specifics of voice (Chulpan Khamatova) that talks about the Earth's ecological troubles, and the phrases, spoken in a doomed and almost calm fashion, gradually line themselves into a mournful poetry. The dance is a Babylonian confusion of styles – contemporary dance, step dance, contact improvisation. Two fantastical scenes linger in memory: a young woman in an endless rotation, impossibly punishing for one's vestibular apparatus, is twisting into a spiral, a funnel, a tornado; two people are trying to walk toward each other, but their movements – like those of broken toys or people who lost their coordination – negate their attempts. The dance is echoed by video projection with an expressive face of a Chinese peasant from a soon-to-be-destroyed village with poor rice growing statistics – the village will be blasted along with the mountains so that the nearby city could continue to expand. And the taiga continues to retreat, while the water continues to advance.

O. F.

A Deplumed Angel "BORIS GODUNOV"

Directed by Eimuntas Nekrošius
National Theatre of Vilnius
The Stanislavsky Season

The corporate ladder beckons to the sky but leads into nothingness. A Stalin-era high-rise only looks monumental, but it crumples like a cardboard box. In a world of putative greatness and false goals Boris (played by Silvius Trepulis – young, but already broken, capricious, resentful of his fate)

decided to achieve prosperity, having paid for it a rather reasonable, in his own view, price – only a single life. In Nekrošius's production it is somehow made especially clear that Boris's guilt is evident to all – the hypocritical boyars and the people in wooden torture boots. Toward the end of his life Boris imprudently puts all of his trust in mountain dweller Basmanov (Algis Dainavičius), equally unsophisticated and neat both in his allegiance and his betrayal.

Blessed fool Nikolka (Povilas Budris) rubs the slippery floors under the monarch's feet with the shirt of slain Dimitri, giving them mirror-like polish: every step becomes a rehearsal of the fall. Boris drives a nail into his hand in passing – you like that, huh, Christey-boy? want more? "Doesn't hurt!" – Nikolka howls with pain. And the people, dressed in torture boots, have their own means of entertainment: they captured themselves an angel that got caught in a snare, and are now busy depluming him together – they'll have him for dinner!

Nekrošius remains a poet and a prophet even in his most joyless production, where there's no longer room for love, for an electric arc between partners, between an actor and the audience.

Grishka Otrepyev (Marius Repsys), sturdy as a baseball bat, will come to replace Boris, a hostage of his own guilt. Grishka's only emotional capital consists of his short-lived attraction for a Polish girl (Elzbieta Latenaite), vulgarized to the extreme (during their declaration of love, water will spurt forth from the numerous sprinklers for nighttime watering, making a laughingstock out of that declaration). He will go much further than Godunov, but he will never even know the meaning of guilt.

O. F.

